



Нашивка самого крупного воинского формирования ЛНР, на базе которого сегодня создано регулярное соединение.

ваться не хочется. И наши не дергаются. «Укропы» силы накапливают. Чем это закончится — не знаем. Но рано или поздно пойдут.

И предлагает съездить на передовую, увидеть все своими глазами:

— Касками обеспечу. Бронжилетами — вряд ли. Ночуем там. Правда, есть информация, что утром они что-то затеют.

### ОДИН К ДЕСЯТИ

До передовой, по словам Дока, час ходу. Техника — видавшая виды «Волга» и «козелок» — оранжевый фургончик «фольксваген». Точка назначения — деревенька Сокольники, стертая с лица земли. Позиции ополчения — узкий коридор. Противник — слева, справа и ровно напротив. Соотношение сил — один к десяти в пользу «укропов». Что, впрочем, в порядке вещей: летом и осенью в Сокольниках бойцы ЛНР отбили несколько тяжелых атак противника, находясь в подавляющем меньшинстве. И держат позиции до сих пор!

Док получает добро у замполита на провоз на передовую нас — журналистов. Но сообщает:

— Разведка донесла, что нехорошее начнется в 11.30 утра. Приказ: вывести вас до этого времени. Не разгуляемся...

Предварительно заезжаем в воинскую часть — бывший комиссариат Луганской области. В расположении в это время боевая тревога — где-то начался бой, срочно вызывают подмогу. На темном плацу под ружьем стоят человек пятьдесят.

В медкомнате Док берет каски. Гранатомет «Муха». Несколько рожков с патронами. И обязательно — лекарства. Грузимся. На часах — полночь...

Темный, безлюдный Луганск скрывается позади. Впереди вырастают волнистые снеговые равнины. В свете фар видны скачущие по шоссе зайцы. За рулем «козелка» — ополченец Олег.

— Не бояться, что ли? — кивает он на замеченное шоссе. — Человека меньше стало.

Олег — луганчанин. Здесь родился, женился, вырастил дочь. Всю жизнь работал таксистом. Теперь — в команде медицинскому взводу. График — почти как в такси: ненормированный. Сегодня — в Краснодон, завтра — в Стаханов, послезавтра — на позиции в Сокольники. Перекусить некогда. Поспать — тоже: неясно, куда пошлют на следующий день и где придется ночевать.

В кармане — «малек», бутылочка водки. Временами он отхлебывает из горла, несясь на большой скорости. Но, кажется, не хмелеет.

— Чтобы не заснуть, — объясняет. — И от стресса помогает. Он ведь накапливается маленькими порциями и давит. Хочется иногда бросить все, уехать. Но нельзя.

В ополчение пришел летом. До этого смотрел на все происходящее как на игру политиков. А потом бомбами разнесло в клочья соседний дом...

В одном месте минуем казачий блокпост под советским знаменем Победы. «Волгу» и «козелок» казаки знают и приветливо машут в ответ. Впрочем, машины, по словам Олега, примелькались и «укропам». Как-то он попал под прицельный минометный обстрел, но вырвал-



Добровольцы Донбасса, прошедшие Чечню.

ся. В целом, говорит, дорога не очень опасная. Единственный по-настоящему сложный участок как раз на подъезде к Сокольникам: вокруг ни деревца, а украинские части стоят всего в нескольких сотнях метров по обе стороны. Вот там — дай бог ноги!

Заворачиваем в поселочек Славяносербск, здесь больница: Доку необходимо перекинуться словом с местными врачами. Поселок у передовой, но снаряды его почти не тронули. Крепкие белоснежные дома выглядят при лунном свете сказочными теремками. Несколько многоэтажек. Чинное здание районной больницы...

Однако за Славяносербском становится ясно, что главное бросается в глаза не сразу. Тормозим в чистом поле у проселочного перекрестка. Из-под земли выпрыгивают люди:

— Кто такие?

— Свои! — смеется Док. — Больные есть? Раненые?

Этот участок держит небольшой отряд.

Все коммуникации — под землей. Командир — боксер с Дальнего Востока.

Проскакиваем опасный голый коридор. Слева и справа — от пяти до восьми тысяч украинских бойцов. Моторизованные части. Нацгвардия. Вглядываюсь в окно. Пятнистая лесополоса. Тишь...

### «ПОТЕРЬ НЕТ»

— Полевой госпиталь, — распаковывает Док дверь покоренной избушки. — Место ночлега. Располагаемся!

Под ноги кидаются три шерстяных скелетика — брошенные кошки. Люди под бомбами, уезжая из разрушенных домов, бросали все, в том числе и питомцев...

Дом вполне еще целый. Минами поломало только пристройки во дворе и баню. Как говорится, жить можно. В центре комнаты — стол с красочной клеенкой. У стены — стеллажи с книгами. На полке — черно-белая праздничная фотография бежавшей семьи. Под потухшей люстрой — мишура: этот элемент декора внесли уже новые хозяева. Новый год Олег, Док со товарищи справляли здесь же.

Нас кратко инструктируют: если обстрел — сразу на улицу, не мешкая в погреб.

Через каждый час по радиации переключки всех постов: «Потерь нет. Все спокойно». За беседами укладываемся почти под утро: были бы петики в деревне — уже бы закукарекали.

Перед рассветом где-то далеко слышится невнятный хлопок, и спустя паузу рядом грохочет. Потом снова. Во время третьего взрыва дом слегка подпрыгивает. Никто уже не спит. Но и нервозности особой не чувствуется: ясно, что выпущенные снаряды упали не рядом — полкилометра, километр? После — тихо. Спускается полчаса из радиации снова доносится: «Все спокойно. Потерь нет...»

### «ПОВОРОТНОЙ ТОЧКОЙ СТАЛА ОДЕССА»

Утром идем на позиции. Деревня растянута вдоль дороги. Каждый второй дом — без крыши, каждая первая ограда — снесена. В снегу вдруг — брошенный детский велосипед. У забора — мотоцикл с изрешеченным бензобаком. Поникише

лебеди, зебры, жирафы с детской площадки.

Из дворов торчат дула закамуфлированных танков. У одного из них стоит одинокая бабуля — последняя жительница уничтоженных Сокольников. Баба Таня.

— Живу у себя в избе, — говорит, глядя сухими глазами. — Питаюсь солениями. Ехать некуда — никого родных уже нет.

Вокруг бабушки вертится десятка два псов — кто-то с перебитыми лапами, жмутся к ее ногам. Док сообщает, что ополченцы помогают соседке с продуктами. Беспокоятся за нее. Однажды пропала на три дня: пошли искать...

Передовая — это узкая полоска окопов. В разные стороны из траншей смотрят крупнокалиберные пулеметы, прикрытые брезентом. Тут же, вместе, — печки-буржуйки, кухонная утварь, оптика, оружие. В блиндажах спят люди.

На посту (смена — каждые три часа) — ополченец с позывным «Депутат» из Смоленска. Дома был помощником областного депутата и политическим активистом. Когда началась война, месяц изучал информацию, а потом отправился на фронт.

Другой ополченец — «Дядя» — прячет лицо под маской:

— Не фотографируйте.

Родом он из той части Украины, которую война не тронула. Все родные — дома. Поворотной точкой в отношении к происходящему стала Одесса. Больше вопросов у него не возникало. Собрался и поехал.

«Лютый» — из Башкирии. Командир разведки. Душа отряда. Прошел несколько горячих точек, в том числе Приднестровье и Чечню. Руководитель военно-патриотического клуба в родном городке. Постоянный участник «Вахты памяти» в Петербурге: поисковыми работами на ленинградской земле занимается с детьми 10 лет. Говорит, что воспитывался «афганцами» — участниками той войны. Вопросы — ехать не ехать в Донбасс — не возникало: «Неудобно сидеть дома, пиво пить, когда здесь женщин и детей убивают». Участвовал в боях за Георгиевку, Вергунку, штурмовал Луганский аэропорт...

Отбываем ближе к полудню. В Сокольниках спокойно. Позади остается сожженная деревня. Несколько десятков ополченцев. Одинокая баба Таня. И мнимая тишина, которая может разорваться в любую минуту.

Сергей ПРУДНИКОВ, фото автора



Ночью в госпитальной избе на передовой.

P. S. Согласно сводкам армии ЛНР, на следующий день ровно в полночь войска хунты нанесли артиллерийские удары по позициям ополченцев в районе Сокольников. Еще через день части нацгвардии при поддержке танков пытались прорваться на этом участке через реку Северский Донец, но были с потерями отброшены. В течение последующей недели обстрелу был подвергнут поселок Славяносербск (тот самый, где больница). Разрушено 100 домов, в том числе 20 — полностью.